

Сергей Семипядный

Бегство... Следствие...
Когда время...

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
С30

Семипядный С.

Бегство... Следствие... Когда время... / Семипядный С.; худ.
Семипядный С. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 337
с.

ISBN 978-5-532-93857-1

Криминальный авторитет, заболев, бросает подчинённых и бежит. Встретив старую знакомую, он пытается начать новую жизнь. Однако тяжёлые последствия наступают не только для брошенной им команды, но и для него самого, потому как иное прошлое в действительности не такое уж и прошлое, как это может казаться. («Бегство авторитета»). При наличии очерченного круга подозреваемых расследование убийства ведут шулер Жек и массажистка Жанна. Одновременно с ними, не профессионалами и даже не любителями, ищут убийцу и другие участники трагических событий. В результате коллективных усилий происходит постоянная смена подозреваемых. («Следствие ведут шулер и массажистка»). Голодно проживающие в окрестностях атомной станции бездомные собаки, возглавляемые «пенсционером МВД» по кличке Спецназ, вступают в борьбу с террористом, подготовившим взрыв станции. По ходу происходящих событий собакам приходится решать и проблемы морально-этического плана. Ведь они – как люди. («Когда время становится круглым»).

ISBN 978-5-532-93857-1

© Семипядный С., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Бегство авторитета	4
Следствие ведут шулер и массажистка	109
Когда время становится круглым	221

Бегство авторитета

Когда плачет тот, кому не положено

Едва проснувшись, он тотчас понимает, что сегодняшний день ему предстоит провести в изоляции. Известный преступный авторитет Мозгун сегодня совершенно не форме. «Господи! – взмолился он. – Хоть бы – ничего! Сегодня только. И никаких решений!»

Мозгун выбрался из постели и поспешил к входной двери, на первый уровень, чтобы своим личным ключом блокировать вход в квартиру. Никого! Не принимать никого! А по телефону отвечать в ключе случайно изобретённого для этих страшных дней стиля.

Если бы он не был таким, каким являлся в действительности – небольшого роста, с реденькими бесцветными волосиками на голове и... в остальных местах, с мелкими, невыразительными чертами лица, то жизнь его сложилась бы, несомненно, иначе. И даже если бы он и числился, как и ныне, в числе самых влиятельных авторитетов криминального мира, жизнь его не была бы так безобразно тяжела.

Мозгун приблизился к окну и осторожно раздвинул ленточки жалюзи. Площадь Арбатские ворота. Второй год, то есть с прошлого тысячелетия, он живёт на этой площади и частенько видит проезжающий мимо кортеж президента. Президент похож на него. Ну, или он похож на президента. Только губы у президента толще и выпуклей, чем у него, а черты лица более определённые и однозначны. И президент умеет держаться. Каждый день. И утром, и вечером, и, возможно, ночью. Его жена выглядит сонной и глубоко-водно-подмороженной, но чёрт его знает, что скрывается за её кошачьей внешностью.

Конечно, вряд ли она способна терпеливо дожидаться вечером наверняка нередко задерживающегося на работе муженька, однако, можно предположить, она вполне способна регулярно заводить

будильник на два или три часа ночи, чтобы по его звонку ритуально овладеть президентом.

Чёрт! Звонок.

Без сомнения, это Чис.

Действительно, он.

– Чем занимаешься?

Какое его дело, чем он занимается?!

– Да так, лежу, почёсываюсь. А что?

– Тут одно дело. Крайне срочное.

– Что там ещё?

– Комара убили. Шухер по всей Москве.

– Кто его?

– Неизвестно. Предстоят грандиозные разборки и, сам понимаешь, всё остальное. В его любимом казино, в туалете. На унитазе прирезали. Как барана, прикинь. И охрана, говорят, в это время там же над писсуарами кряхтела. Сразу два дуболома.

– Ладно, завтра, – скривился Мозгун.

Комара он терпеть не мог. Прирезали – ну и пёс с ним.

– Но ведь... – начинает Чис, однако Мозгун уже отключился.

Комар жил в Жуковке, за высоченным забором, под охраной ментов с автоматами поперёк пуза. Соседи – руководство «Менатеп». Вся территория ушпигована видеокамерами, а от каждого домика – подземный ход к КПП. И кортеж у него – министр любой позавидовал бы. А вот, поди ж ты, в туалете казино прикончили. И как жить после этого?

Минутный разговор с подчинённым, а силы на исходе. Мозгун забрался в постель и уткнулся лицом в подушку. И завис вне пространства и времени.

Однако вновь звонят. На этот раз по внутренней связи, с пункта охраны. Мозгун сполз с кровати и, миновав аппарат вежливо позывающего переговорного устройства, вышел в гостиную и добрёл до видеофона. И поднял взгляд на монитор. Всё тот же Чис и с ним ещё двое, Пушкин и Испанец. Впускать нельзя, просто недопустимо, но что же делать? Надо было охрану предупредить, что его нет, что он убыл, уехал, смотался.

В квантовом мире частицы могут находиться в двух местах одновременно. Мозгуну не надо в двух – ему бы в одном, но другом, не здесь, не в квартире, в которой сейчас он будет вынужден принять коллег-врагов, представ перед ними в таком-то вот виде.

– Здоров, Мозя! – пробасил грузный Испанец, вваливаясь в комнату вслед за шустрым Пушкиным. – А ты не приболел, часом? Тебя как будто с креста сняли.

– У меня обострение. Язва, – бурчит Мозгун, не менее трёх минут стоя ожидавший, когда гости поднимутся в лифте на третий этаж, а затем преодолеют путь (в том числе – два пролёта лестницы) до входа в гостиную.

– Давно? Когда обнаружили? – удивляется Чис.

Мозгун сморщился, словно от боли, и не ответил. Поменьше говорить, побольше молчать и морщиться. С язвой – это он хорошо придумал. И пошли они все. И он имеет право отказаться от выпивки. А если в нынешнем состоянии он выпьет хотя бы сто граммов, то это будет полный атас.

Мозгун жестом распорядился, чтобы Чис занялся гостями, а сам погрузился в кресло и прикрыл глаза. Он здесь, с ними, но его как бы нет. Человек имеет право захворать в любое удобное для него время, независимо от того, что кого-то прирезали возле парашаи.

Необходимое на столе, и вот уже Пушкин поднимает рюмку размером с бокал.

– Выпьем с горя.

Мозгун отрицательно мотает головой.

– Да за упокой ведь! – возмущается Испанец.

– Я – потом, – скривился Мозгун.

Выпили и по второй. Испанец, захмелевший и повеселевший, откинул на спинку кресла своё грузное тело и уставил круглые рыбы глаза на Мозгуна.

– Что скажешь, Мозя? Комар – твой ближайший сосед и конкурент.

– Мой? – попытался максимально вытянуть лицо Мозгун. – Если и мой, то не только. Вы почему ко мне припёрлись?

– По велению сердца и гражданского долга, – вскинув голову, нагло заявил Пушкин.

– Ах даже так? – не без усилия усмехнулся Мозгун. – Вы, гляжу, за чистосердечным пришли. Если так, базара не будет.

– Гонишь? – прищурился Испанец.

– Да нет, сидите на здоровье. Андрон, пошарь там... на кухне, ну, в холодильнике. Чего найдёшь там...

Чис поднялся и вышел. Затихли его шаги, наступила тишина. Мозгун сидел с закрытыми глазами и ни о чём не думал. Не потому, что не о чём было, не по этой причине. Сил у него не было, совсем не осталось. Конечно, лучше экономно говорить, чем дорого молчать. Однако каким образом это сделать возможным, если и веки-то поднимать – труд неимоверно тяжёлый? А тут – губы, зубы, гортань и ещё чёрт знает что. И всё это надо приводить в движение. И при этом следить за кадровым составом выпускаемых слов и звуков.

– Сергеич, пошли посмолим на балкончике, чтобы больного не обкуривать, – поднимается Испанец.

Мозгун приподнял веки, пошевелил губами, но звуков не родил. Ну и плевать.

– Чудной сегодня Мозя. Тебе не показалось? – расплылся в хитровой ухмылке Испанец и принялся теревить свою козлиную бородку, за которую и получил своё погоняло.

– Прихворнул болезный, – развёл руками Пушкин.

– На почве чего? Затеял передел, а потом перетрухал? Язва у него, вишь ли!

– Не знаю. Но что-то совсем тухлый. Таким его ещё не видал. Попробовать ещё раз Чиса ковырнуть?

– Необходимо выбрать истинную точку прицеливания, – не без пафоса изрёк Испанец. – Возможно, трёба бить у самый центр, то бишь в лоб.

– Что ж вы, хозяин там, а вы тут чего-то, а? – объявляется в дверном проёме Чис. – Может, вам баньку распалить? Можно и о других аспектах досуга шевельнуть мозгой.

Испанец жестом останавливает его.

– Да мы, братан, по делу, если ты не забыл. Хотим понять, зачем тебе и твоему пахану вся эта мудянка с кровавой какофонией. На что он рассчитывает?

– Да, что он хочет найти в этой буче, кровавой, кипучей? – кивает Пушкин.

Чис словно в изумлении вскинул руки.

– Да вы чё?! Я же говорил! Мы не при делах! А патрон и вообще час назад узнал! От меня! Да нам оно и не надо.

– Ой ли? А небезызвестные заправочки? – подковырнул Испанец.

– Ха, нам и без них есть куда расширяться. Да мы плюнули на них давно. Мы же с банками завязались.

– Да ладно, угомонись, – шурится Пушкин. – Мы-то знаем, что лучше переест, чем недоспать.

– Да я поклясться могу чем угодно! – стучит себя в грудь Чис. – И патрон вам скажет, что мы тут... Что мы это...

– Твой патрон что-то не того... – перебивает Пушкин. – Не патрон, а гильза твой патрон.

– Использованный, – подхихикнул Испанец.

Чис нахмурился, но промолчал. Он доложит обо всём Мозгуну. Он доложит, а там уж не ему решать. Однако будь он на месте босса, то уже давно бы принял кое-какие кадровые решения, он бы почистил окружающее пространство.

Когда гости возвратились с лоджии, Мозгуна в кресле не оказалось.

– А дэ вин? – удивился Испанец.

– Хорош хозяин, – поддержал Испанца Пушкин. – Баиньки, видно, отправился. Так, нет, Чис?

– Не здоровится ему. Да и, – Чис усмехнулся, – незванный гость хуже татарина, в народе говорят.

Он прекрасно знал, что Пушкин по национальности татарин. И это только в переводе на русский он Александр Сергеевич. А на самом деле Анвар какой-то там Сырычёртзнаетегокакойбекович.

Гости (которые хуже татарина) переглянулись.

– Что ж, нам пора, – проговорил Испанец, суровым взглядом сверля Чиса, затем направился к выходу.

Пушкин последовал за ним. На Чиса он не смотрит, глаза его почти полностью закрыты, губы плотно сжаты, а на щеках горит румянец и играют желваки. Он не изрёк ни слова. Потому, вероятно, что любые звуки, будучи им произведены, незамедлительно сложились бы в нечто исключительно нецензурное.

– Ты, как я понял, готов упаковать Мозгуна и, естественно, Чиса. Так? – с улыбкой говорит Пушкину Испанец, когда они входят в лифт.

– А почему бы и нет? Кто по ним плакать будет? И момент подходящий.

– А если Комар – не их рук дело?

– Это не очень трудно выяснить, если допросить с пристрастием. Того же Чиса. У меня есть специалисты, – похвастал Пушкин и мечтательно улыбнулся. – В условиях войны арсенал средств существенно расширяется.

Чис, между тем, бросился к Мозгуну.

– Патрон, эти твари попытаются уничтожить нас! Они сейчас сговорятся. Нам хана, патрон, если не примем меры! Босс, им плевать, кто Комара мочканул! Им теперь надо нас загасить. Только это. А Комара они и замочили! Они или кто-то из них!

Мозгун – он лежал ничком, уткнувшись лицом в подушку, – промычал нечто нечленораздельное.

– Босс, я вызываю врача, я вызываю консилиум! Не время болеть, патрон! Патрон, они знаешь, как тебя называли? Да я не выговорю! Использованный... Использованный, в общем, патрон! Гильза использованная! С намёком, в общем!

Мозгун с усилием перевернулся на спину и, облизывая пересохшие губы, уткнул равнодушный взгляд в подчинённого.

– Я сейчас водички!.. – воскликнул Чис и побежал из комнаты. Уже за дверью спальни он решил: – Нет, лучше водочки. Водочка – лекарство всё-таки. Не то, что вода.

Через минуту он вернулся с полным стаканом «лекарства».

– Босс, залпом и до дна. А то губы уже лопаются. Давай! – Чис подхватил Мозгуна за шею и подсунул ещё одну подушку. – Ну! Я поддержку стакан.

Мозгун далеко не сразу понял, что вливаемая в него жидкость – водка. А когда понял, то лишь заполошно глянул на Чиса, не прекратив, однако, производить глотательные движения из боязни захлебнуться.

– А теперь – огурчик и кусочек хлеба. Малосольный огурчик, кстати.

Но на огурчик и хлебец у больного сил уже не осталось. Он, замычав, скривился и отвернул лицо в сторону.

До катастрофы остаётся несколько минут. Трезвым умом Мозгун это прекрасно понимает. Пока ещё трезвым. Ещё несколько минут, и алкоголь достигнет ослабленного депрессией мозга, а там... Да, необходимо срочно избавиться от Чиса и остаться одному.

– Чис, свободен. До завтра. На сегодня никаких... Всё. Позвони завтра.

– Я никуда не уйду! – твёрдым голосом произнёс Чис. – Я никуда не уйду, пока не решим, что делать! У нас мало времени! Испанец не будет неделю планы разрабатывать! Как только мысля бьёт в голову, он сразу же хватается за мобилу и даёт указания своим шестёркам!

– За-а-автра, – стонет Мозгун, уже почувствовавший, как тепло разливается по телу, предвещая необратимые изменения в организме.

– Завтра, возможно, будет поздно! – по-прежнему непреклонен Чис. – Сегодня надо действовать!

– За-а-автра...

– Но я же говорю! Босс! – вскакивает на ноги Чис. Он хочет ещё что-то сказать, однако взгляд его, брошенный на лицо шефа, обнаруживает такое, отчего глаза Чиса лезут из орбит, а все слова застревают в горле. – Босс, мы...

Мозгун плачет. Однозначно. Лицо скривилось, слёзы текут по щекам, нос подёргивается. Чис попятился к выходу, побежал, выскочил за дверь.

Мозгун взял мобильный телефон, отыскал нужный номер и нажал кнопку вызова.

– Мама, это я, – говорит он.

– Мой бывший сын? – холодно звучит голос матери.